

УДК 1(091)

ВИНЮКОВА Анна Кареновна, аспирант кафедры философской антропологии и истории философии факультета философии человека Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена, преподаватель русского языка и литературы профессионального лицея № 110 (Санкт-Петербург)

ПЛАТОНОВСКОЕ ИМЯ И ЛЕКТОН: «ПРАВИЛЬНОСТЬ» И «БЕЗРАЗЛИЧИЕ»

В настоящей работе предлагается анализ двух античных трактовок слова, представленных в диалоге Платона «Кратил» и в философии ранних стоиков. Восходящее к предмету платоновское имя и игнорирующий «тело» стоический лектон представляют, на наш взгляд, две формы отношения к сущему, которые можно обозначить как правильность и безразличие. Под правильностью в данном контексте понимается смысловая согласованность слова с сущностью вещи. Слово, как образ именуемого предмета, оказывается в заложниках у своего оригинала. В отличие от прикованного к вещи платоновского имени лектон стоиков, как родственник пустоты, как не-сущее, не испытывает на себе воздействия вещи, в этом смысле он оказывается по ту сторону ее владений, в плоскости безразличного.

Ключевые слова: *правильность имени, Платон, образ вещи, лектон, стоики, истина, безразличие.*

Проблема связи языкового знака с предметом до сих пор представляет собой одну из лакун в философии языка. Первые эскизы слова были намечены уже в античности. Именно тогда появляются два основных вектора его «выведения»: из объекта (платоновское понимание) и из субъекта (стоическая традиция). В чем же состоят специфика и особенности данных концепций?

В платоновском представлении слово (имя) эксплицируется как подражание предмету, понимается как *образ вещи*. Слово у Платона не свободно от сущности предмета, и именно

характер отношения слово – предмет является критерием т. н. *правильности* имен. По мнению философа, имя вещи указывает нам, «какова вещь», т. е. устанавливается в соответствии с ее природой [4, 428e]. В этом контексте слово интерпретируется как смысловое подражание объективной сущности вещи: «имя есть некое подражание вещи» [4, 430b]. Правильность имени, таким образом, прямо пропорциональна степени насыщенности слова сущностью вещи, степени близости образа (слова) его материальному оригиналу (предмету обозначения). Итак, *правильность* – это

согласованность слова с денотируемой вещью. С правильностью имени Платон связывает проблему истины и лжи: «Кто говорит о вещах в соответствии с тем, каковы они есть, говорит истину, тот же, кто говорит о них иначе, лжет» [4, 385b]. Истина обязательно должна иметь телесное подтверждение, именно возможность обращения к вещи (сущему) является ее доказательством. Имя, как подражание, все время находится на границе истины и лжи, оно постоянно апеллирует к вещи, и любое искажение ее сущности переводит имя в область псевдобытия. По мнению Платона, ложь – это неправильное соединение слова и вещи, некое «своеволие» подражания, когда оно «... соотносит и сопоставляет с вещами то, что на них не похоже» [4, 430d]. Слово, будучи сопричастным вещи, обладает «магическим» влиянием на предметный мир: ложное, неправильное имя ведет к неверному пониманию предмета и, следовательно, к неверному отражению его идеи, к неверному знанию о предмете и, как результат, к неверному обращению с вещью. Неправильное имя является условием неправильного положения вещей в объективном мире, то есть лжи, или неподлинного бытия.

Принципиально иное видение слова мы встречаем в языкознании античных стоиков, в их учении о лектон, или т. н. «словесной предметности». В современном понимании лектон зачастую трактуется как «смысл обозначаемой предметности в слове» [3, с. 124]. Слово для ранних стоиков «хранило в себе таинственное естество бестелесного свойства, представленное современным словом “смысл”» [5, с. 364].

В отличие от платоновского имени, лектон интерпретируется не как некая сущность, а как атрибут, который может быть приписан вещам. Однако приписывание вещи какого-либо атрибута (в отличие от именованного у Платона) абсолютно не влияет на ее природу: добавление лектон равнозначно добавлению нуля. О лектон (смысле) нельзя сказать ни того, что он существует, ни того, что он не существует: «Смысл – это выражаемое предложения, это бестелесное на поверхности вещей, сложная

и нередуцируемая ни к чему иному сущность, чистое событие, которое упорствует и обитает в предложении» [1, с. 32]. Именно иррелевантность лектон, его «онтологическое безразличие» является, на наш взгляд, ключом к пониманию специфики стоического учения о слове.

«Словесная предметность» стоиков обладает теми же свойствами, которые они приписывают «пустоте». Под «пустотой» подразумевается «... нечто бестелесное и неосязаемое, не имеющее формы и не оформляемое, не испытывающее воздействия и не действующее, – но способное просто вмещать тело». [7, фр. 541] «Пустота» – это и нечто несуществующее («существующими» стоики полагали только тела), она является «как бы сущим» и не способна воздействовать на сущее [7, фр. 525]. Лектон напоминает собой порождение стоической «пустоты», он бестелесен, есть нечто несуществующее, не способен оказывать воздействие на тела. Под бестелесностью понимается возможность вмещать тело: «Бестелесно же то, что способно вмещать тела, но не заполнено ими» [7, фр. 543]. Как бестелесное, лектон, высказывая вещь, *не заполнен вещью*. Как не-сущее лектон не может выражать сущее (тело), следовательно, он выражает нечто иное, не-тело, некую «несуществующую сущность». Предмет лектон невещественен, он находится в другой плоскости по отношению к физической вещи, это некий предмет мысли, или, выражаясь словами А.Ф. Лосева, «умопостигаемоданный предмет высказывания и понимания» [2, с. 169–170]. Более рельефно подобная мысль представлена у софистов: «Предметы же мысли (это нужно предположить) во всяком случае *не есть сущее...*» [6, VII, 78–80]. Словесное выражение, находясь в ином измерении по отношению к реальному положению вещей, имеет смысл, даже не имея тела, так как является выражением иного строя предметности – словесной предметности языка. Например, выражение «сейчас день» имеет смысл и безотносительно к действительности: «Суждение “сейчас день”, когда оно соответствует действительности, и суждение “сейчас день”, когда оно

не соответствует действительности, имеет свой определенный смысл, оно нечто значит» [3, с. 124]. Будучи по природе адиафорным, не сущим и не не-сущим, ни «плюсом» ни «минусом», и находясь за скобками утверждения о бытии и небытии, лектон, как нуль, может быть и тем и другим одновременно. Именно в пространстве безразличного мы наблюдаем возможность сосуществования противоположностей. Так, если в плоскости телесного бытием обладает только одна сторона оппозиции, только сущее (тело), только истина (а истина есть тело), то в области бестелесного – безразличного, где ничего не существует и не не-существует, обе части обладают равными правами на «несуществующее существование». Именно равноправие, на наш взгляд, открывает простор для парадоксов: суждения «кошки едят мошек» и «мошки едят кошек» одинаково истинны; ничто не является истиной, они как два нуля абсолютно не исключают друг друга [1, с. 50]. Как известно, стоики разделяли понятия «истина» и «истинное», полагая, что они отличаются тремя способами: «Субстанцией (οὐσία), составом (συστασις) и значением (δύναμις). Субстанцией... отличается, поскольку *истина есть*

тело, истинное же существует в качестве бестелесного» [6, VII, 38–39]. Поскольку лектон *не-тело*, вопрос об истине, который так громко звучал при определении привязанного к предмету имени Платона, в пространстве словесного выражения снимается. Находясь в плоскости бестелесного, слово стоиков получает право на игнорирование действительности.

Итак, мы видим две противоположные модели слова; обозначим их как «правильную» и «безразличную». В основе этих конструкций лежит разное отношение слова к предмету именованного. «Правильная» платоновская модель основывается на сущности вещи: слово, как образ вещи, как ее идеальная копия, обязательно *согласовывается* со своим оригиналом. Именно согласованность или, по-другому, *правильное подражание сущему* дает «законное право» слову на связь с истиной. Совсем по-другому выглядит «безразличная» конструкция стоиков. В отличие от платоновской, она ориентирована не на отражение сущности объекта именованного, а на выражение *предмета мысли* говорящего. Именно здесь, на наш взгляд, усиливается роль субъективного начала в слове.

Список литературы

1. Делёз Ж. Логика смысла / пер. с фр. Я.И. Свирского. М., 2011.
2. Лосев А.Ф. Знак. Символ. Миф. М., 1982.
3. Лосев А.Ф. История античной эстетики. Ранний эллинизм. Харьков; М., 2000.
4. Платон. Кратил // Собрание сочинений: в 4 т. Т. 1 / общ. ред. А.Ф. Лосева и др.; авт. вступ. ст. А.Ф. Лосев; прим. А.А. Тахо-Годи; пер. с др.-гр. М., 1990.
5. Степанова А.С. Метаморфозы культурных смыслов: об истории концептов «логос» и «лектон» // Фундаментальные проблемы культурологии. Теория и методология современной культурологии: моногр. М.; СПб., 2010. Т. V. С. 356–366.
6. Сэкст Эмпирик. Сочинения: в 2 т. / вступ. ст. и пер. с др.-гр. А.Ф. Лосева. М., 1975. Т. 1.
7. Фрагменты ранних стоиков / пер. и коммент. А. А. Столярова. М., 2002. Т. 2.

References

1. Deleuze G. *Logique du sens*. Les Éditions de Minuit, 1969 (Russ. ed.: Delez Zh. *Logika smysla*. Moscow, 2011).
2. Losev A.F. *Znak. Simvol. Mif* [Sign, Symbol, Myth]. Moscow, 1982.
3. Losev A.F. *Istoriya antichnoy estetiki. Ranniy ellinizm* [The History of Classical Aesthetics. Early Hellenistic Period]. Kharkov, Moscow, 2000.

4. Plato. Kratil [Cratylus]. *Sobranie sochineniy v 4 t.* [Collected Works in 4 Vols.]. Vol. 1. Ed. by Losev A.F. Moscow, 1990.

5. Stepanova A.S. Metamorfozy kul'turnykh smyslov: ob istorii kontseptov "logos" i "lekton" [Metamorphosis of Cultural Meanings: On the History of the Concepts "Logos" and "Lekton"]. *Fundamental'nye problemy kul'turologii. Teoriya i metodologiya sovremennoy kul'turologii* [Fundamental Problems of Cultural Studies. Theory and Methodology of Contemporary Cultural Studies]. Vol. 5. Moscow, St. Petersburg, 2010, pp. 356–366.

6. Sextus Empiricus. *Sochineniya v dvukh tomakh* [Works in 2 Vols.]. Moscow, 1975. Vol. 1.

7. *Fragmenty rannikh stoikov* [Extracts from Works by Stoics]. Moscow, 2002. Vol. 2.

Vinyukova Anna Karenovna

Postgraduate Student, Faculty of Human Philosophy,
The Herzen State Pedagogical University of Russia; Vocational Lyceum no. 110 (St. Petersburg, Russia)

PLATONIC NAME AND LEKTON: "CORRECTNESS" AND "INDIFFERENCE"

The paper analyses two ancient interpretations of the word in Plato's dialogue *Cratylus* and in the philosophy of the early Stoics. Platonic name, originating in the object, and Stoic lekton, ignoring the "body", present two types of attitude towards Being, which can be described as "correctness" and "indifference". "Correctness" in this context means semantic consistency of the word with the essence of the thing. The word, as an image of the object, is "taken hostage" by its original. In contrast to Plato's name, bound to the thing, Stoics' lekton, as non-Being, related to emptiness, is not affected by the thing and is in this sense on the other side of its possessions – in the plane of indifference.

Keywords: *correctness of name, Plato, image of the thing, lekton, Stoics, truth, indifference.*

Контактная информация:

адрес: 197000, Санкт-Петербург, просп. Космонавтов, д. 96;

e-mail: adalimif@pochta.ru

Рецензент – *Дрегалю А.А.*, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой государственного и муниципального управления института экономики и управления Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова